

ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ОНИМОВ (по материалам ранней публицистики Н. С. Лескова)

Головачева Ольга Алексеевна

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет

имени академика И. Г. Петровского»;

кандидат филологических наук, доцент

(г. Брянск, Россия)

Категория имплицитности предполагает наличие внутренних системных отношений между вербальными и невербальными способами выражения смысла. Имплицитные значения в тексте формируются на основе эксплицитных, а также с учетом фоновых знаний читателя, его этнокультурных представлений. К числу элементов, структурирующих имплицитный ракурс, относятся различного типа значимые единицы, в т.ч. онимы, так как имя собственное (ИС), по наблюдению А. В. Суперанской, «... является важнейшим маркером авторской оценки, своеобразным смысловым ядром образа» [1, с. 30].

Контексты с вербально не представленными семантическими компонентами позволяют усиливать эмоционально-экспрессивную выразительность, актуализировать рематическую часть информации, реализовывать социальные / этикетные табу и т.д. Особенно выпукло имплицитность реализуется в контекстах с использованием эвфемизмов, как правило, прецедентных имен, которые обладают наибольшим потенциалом вследствие их закрепления в лингвокультуре в качестве эталона тех или иных свойств. Акцентирование имплицитного смысла онима нередко связано с «наращением смысла», что обеспечивает высокую степень экспрессивности с максимальным перлокутивным эффектом.

В ранних публицистических работах Н. С. Лескова такого типа проявления весьма многочисленны. Например, прецедентные имена *Семирамида*, *Тамара*, *Мессалина* приобрели переносное нарицательное значение – «женщина распутного поведения»:

В России очень многие пресерьезно уверены, что все наши барыни ездят за границу с специальной целью кутить, и кутить непременно известным, самым скоромным манером, то есть преобращаться за границею из строгих Диан в самых отчаянных Семирамид, Тамар и Мессалин [здесь и далее цит. по: 2].

Следует заметить, что информация обобщенно-собирательного плана об определенной антропонимической единице становится понятна при условии владения необходимыми фоновыми знаниями. Семантическое наполнение

указанных онимов в контексте поддерживается актуализаторами *кутить, отчаянный, скоромный* и др.: *кутить* – «проводить время в больших, шумных попойках» [3, т. 2, с. 156], *отчаянный* – «ЛСВ-4: дошедший до предела, неисправимый в своих недостатках» [3, т. 2, с. 721]. В качестве единицы с обобщающим значением, номинирующим поведение женщин, автор привлекает один из ЛСВ полисеманта *скоромный* – «разг. устар. непристойный, неприличный» [3, т. 4, с. 117]. Адъективы обладают гиперсемантизацией (*самый скоромный, самый отчаянный*). Таким образом, оппозиция *Дианы – Семирамиды, Тамары, Мессалины; строгие – отчаянные*, иллюстрирует типичное для многих заблуждение, эксплицированное речевой единицей *пресерьезно* саркастического регистра. Автор, с одной стороны, высмеивает людей, подобным образом интерпретирующих цель зарубежных поездок русских женщин, с другой – в иронической манере указывает на ошибочность таких взглядов.

Имплицитно могут быть представлены ИС, информация о которых эксплицирована конструкциями описательного плана:

Одному из наших поэтов внушен его вдохновителем тип женщины, “с которой никто не придет зубоскалить: которая в беде не сробеет, спасет коня на скаку остановит, — в горящую избу войдет”; другой, бессмертный, доколе звучит русское слово, написал Татьяну — этот светлый облик женщины, которую человек, полный огня и страстей, не склонял к разговорам о совместном ложе, до чего так легко и так просто доходят с нынешними философствующими резонерками, а видел блаженство в одном постижении ее совершенств...

Публицист с восхищением говорит о «двух могучих» типах русских женщин, представленных у поэтов-классиков: «*один твердый, как выносящая все непогоды бронза, другой нежный, но крепкий, как мрамор*». В данных контекстах в зоне имплицитности находятся ИС, номинирующие авторов, художественные произведения, главных героинь.

Оценка, эксплицированная в представленных сравнительных оборотах, помогает читателю сформировать свое представление о национальном женском характере героинь Н. А. Некрасова и А. С. Пушкина. Н. С. Лесков же постулирует глубинную духовную основу, определяемую в контексте лексемами метафорического плана *могучий* – «очень крепкий, жизнеспособный» [3, т. 2, с. 285]; *твердый* – «такой, который устоит, не отступит перед чем-либо, останется верным своим убеждениям, целям, намерениям, стойкий, непоколебимый» [3, т. 4, с. 343]; *крепкий* – «сильный духовно, стойкий, непоколебимый» [3, т. 2, с. 126], содержащими в структурном составе интегральные компоненты ‘сильный духовно’, ‘стойкий’, ‘непоколебимый’. Таким образом, национальная ценностная парадигма, которую манифестирует публицист, в т.ч. на уровне имплицитных смыслов, составляет нравственную матрицу русской

жизни. Ю.И. Сохряков, ссылаясь на одного из современников Н. С. Лескова, отмечает: «по мнению Меньшикова, Лесков, наряду с Толстым и Достоевским, начинает «создавать нравственное общество» [4, с. 185].

Так, раскрывая проблемы, требующие немедленного разрешения, публицист использовал ИС, выполняющие кумулятивную функцию. Такие антропонимы отражают концептуальную картину мира, рассматриваются как способ хранения культурной памяти.

Например, характеризуя систему медицинского освидетельствования при наборе на военную службу, автор отмечает произвол и взяточничество через онимическое пространство, репрезентированное единицами *Орест и Пилад*. Данное устойчивое выражение иносказательного плана употребляется как намек на пример неразрывной дружбы. Однако здесь прецедентные ИС (*Орест и Пилад*), за которыми закрепились коннотации положительного регистра, меняют вектор оценки на противоположный, пейоративный, и доходят до уровня неофициального идентификатора (прозвища):

Член-врач и “дохтер” всегда состоят в самых интимных отношениях с мировым “ундером” и не могут без него обходиться. Лекарь и ундер — это Орест и Пилад, им расходиться никак нельзя.

По наблюдению Н. А. Максимчук, объем и содержание ассоциативно-культурного фона онима «зависит от его принадлежности одному из уровней лингвокультурологической ценности: общечеловеческому, общенациональному или региональному/краеведческому» [5, с. 110]. ИС, представленные Н. С. Лесковым, наглядно иллюстрируют расширение коннотативного компонента онима, вследствие чего происходит изменение культурного признака и переход единицы на другой уровень ценности.

Авторская оценка, включенная в контекстное наполнение антропонима, в публицистических текстах может быть поддержана лексемами и фразеологизированными выражениями с частичной «вытянутостью» семантики, например, один из ЛСВ слова *интимный* – «находящийся в тесной, дружественной связи, отношениях, близкий» [3, т. 1, с. 673] – утрачивает семы ‘*дружественная (связь)*’. Аналогичную трансформацию претерпевает и устойчивое выражение *Орест и Пилад*, в семантике которого отмечаем субституцию ‘*дружественная (связь)*’ / ‘*(связь) «коммерческая»*’.

Через онимы и отонимические производные Н. С. Лесков как публицист и христианин информирует общество в эвфемизированных лексемах и выражениях об извращениях:

Был в университете, исключен, по требованию товарищей, за безнравственное поведение; был подносчиком в публичном доме; был на попечении у старой чухонки в Петербурге; был мизераблем; встретил своего монсеньора Бьенвеню в лице молодого русского литератора В-ва. Тот его одел,

обрядил, поместил с другим подобным же молодым мизераблем в особой чистой комнатке и стал заниматься их нравственным развитием и умственным образованием. Но тут мизерабли занялись таким видом эпикуреизма, что русский *монсиньор Бьенвеню*, застав их на поличном, наградил каждого десятью рублями и выгнал из дома.

В данном контексте автор использует ИС: антропоним *Бьенвеню*, усеченный оним (*литератор*) *В-в* и субстантив – суффиксальный дериват от предшественного имени *Эпикур*.

На своего, просвещенного читателя ориентировался публицист при употреблении единицы книжного стиля *эпикуреизм*, имеющей в системе языка несколько значений, в т.ч. и «мировоззрение, выросшее на почве искаженного истолкования учения Эпикура и видящее смысл человеческой жизни в удовлетворении чувственных инстинктов» [6]; ЛСВ-3: «склонность к чувственным удовольствиям, к изнеженной жизни» [3, т. 4, с. 664]. Слово использовано как эвфемизм вместо лексемы *гомосексуализм*.

Прояснить значение слова *эпикуреизм* помогают лексические и фразеологические единицы, актуализирующие контекстное наполнение субстантива: *безнравственное поведение, публичный дом, застав на поличном, выгнал из дома...*

Таким образом, имя существительное *эпикуреизм* выступает как эвфемизм. Посредством субстантива в тексте на имплицитном уровне возбуждаются коннотативные компоненты 'похоть', 'склонность к разврату', в завуалированном виде присутствующие в контексте и в других единицах. Тожественную функцию выполняет оним (*монсиньор*) *Бьенвеню*. Н. С. Лесков обращается к интертекстуальности, называя некоего литератора В-ва именем персонажа романа В. Гюго «Отверженные». В имплицитной зоне герой французского автора символизирует сочувствие, желание помочь любому человеку, что характерно и для обозначенного ИС *Бьенвеню* и *В-в* русского.

Авторскую позицию максимально открыто для просвещенного читателя иллюстрирует слово *мизерабль* – «жалкий, ничтожный человек» [3, т. 2, с. 266]. Компонент интенсифицированной негативной оценки содержат названия лиц по таким особенностям поведения, как развратность, беспутство. Однако в заимствованных лексемах (*мизерабль, эпикуреизм*) пейоративная завуалированная оценка автора понятна его читателю, «интеллектуально развитой личности, для которой чтение связано с обдумыванием и критическим анализом» [7, с. 135]. В этносоциальной концептосфере русских упрочилось стойкое негативное отношение к проявлениям разнузданности такого типа.

Будучи языковой универсалией, онимы связаны со всеми обстоятельствами жизни и культуры носителей языка и потому обладают потенциальной способностью для передачи имплицитных смыслов.

Широко распространенное имя *Иван*, например, стало употребляться в качестве символа русского человека. Авторские единицы – трехчленные наименования, включающие в свою структуру имя *Иван* и отчество *Иванович* – в раннем публицистическом творчестве Н.С. Лескова могут использоваться как средство типизации и для создания комического эффекта, например:

При Глуховском уездном училище смотритель Розгочкин основал школу для приходящих мальчиков; Иван Иванович Икс был в ней...

Буквой *X* и соответствующей лексемой *Икс* часто обозначают неизвестное значение или неизвестный объект. В данном контексте через упоминание неизвестного лица с традиционным сочетанием имени-отчества, типичным для русского человека, подчеркивается возможность появления в такой школе любого, пожелавшего ознакомиться с учебным заведением.

В ряде случаев Н. С. Лесков комментирует слово – имя нарицательное, выполняющее функцию онима или закрепившееся за определенными литерами антропонимическое значение, с помощью описательного выражения:

Входит NN, рекомендуется: “Я русский”. Ну и довольно. “Прошу садиться. Чаю не прикажете ли?” Входит MM – та же история, и так до X, до Y и до Z. Всем честь и место. А кто их ведает, этих иксов, игреков и зетов, насколько можно доверяться им и пускаться с ними в интимности о начальстве. Все ведь это алгебраические величины неизвестные, ну посему все и приводится к уравнению с неизвестными.

Существительные *икс*, *игрек*, *зет* в системе языка обозначают искомые математические величины и выступают как гипонимы по отношению к гиперониму *величины*. Опирируя математическими терминами и синтагмами (*алгебраические величины неизвестные, приводится к уравнению с неизвестными*), Н. С. Лесков употребляет слова *икс*, *игрек*, *зет* в нетипичных для системы языка значениях: так, в несколько завуалированном виде представлен отзыв о тех *русских*, кого персонаж его очерка не только не знает, но и видит в первый раз. В качестве контекстных синонимов к номинациям, обозначенным графемами *X*, *Y*, *Z* и словами *икс*, *игрек*, *зет* соответственно (в значении *незнакомые люди*), выступают единицы *NN* и *MM*. (Однако им *всем* предоставляется *честь и место* хлебосольным русским человеком). В тексте у слов *икс*, *игрек*, *зет* нейтрализованы компоненты (*величины*) *алгебраические* и актуализирован компонент (*величины*, т.е. лица) *неизвестные*, как и у единиц *NN* и *MM*. Кроме того, изменение семантики имен существительных подчеркнуто и за счет глаголов *входит*, *рекомендоваться*, которые указывают, что речь идет о людях.

Таким образом, имплицитный смысл (как потенция) уже заложен в слове, но наиболее отчетливо он проявляется в контексте / целостном тексте. В семантической структуре онимов имплицитный смысл наиболее тесно

сближается с прагматическим созначением, но эти сопутствующие смыслы становятся наиболее яркими в широком контексте ситуации. Для дешифровки смыслового наполнения ИС читателю необходимо иметь достаточно высокий уровень культурного развития и фоновые знания.

Литература

1. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – Москва : Наука, 1973. – 367 с.
2. Лесков, Н. С. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Н. С. Лесков; редкол. : Н. И. Либан (гл. ред.) [и др.]; вступ. ст. И. В. Столяровой. – М. : Изд. центр «Тerra», 1996 – прод. – Т. 1. – 910 с., Т. 2. – 990 с., Т. 3. – 799 с., Т. 5. – 830 с., Т. 7. – 800с.
3. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. стер. – М. : Русский язык, 1985–1988. – Т. 1 : А-Й. – 702 с., Т. 2 : К-О. – 736 с., Т. 3 : П -Р. – 750 с., Т. 4 : С-Я. – 797 с. (далее – МАС).
4. Сохряков, Ю. И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX – начала XX в. / Ю. И. Сохряков. – М. : Наследие, 2000. – 254 с.
5. Максимчук, Н. А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Максимчук Н. А. – Москва, 2002. – 413 с.
6. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vedu.ru/expdic>. – Дата доступа 05.02. 2017.
7. Леденёва, В. В. Слово Лескова : монография / В. В. Леденёва – М. : ИИУ МГОУ, 2015. – 260 с.